

В заднем дворе на кухне уже горел свет, и наставницы снова принялись за ежедневные выговоры и ругань в адрес кухарок. Зима в этом году выдалась особенно холодной: как только наступила зима, небо постоянно затягивало плотными серыми тучами, но, кроме пронизывающего ледяного ветра и колючего мелкого дождя, снега всё не было. Крыши задних построек постоянно были покрыты слоем синеватого налёта, словно их намазали толстым слоем прогорклого свиного сала. На сторожевой башне за кухней стояли двое в Золотых Балахонах: один беспрестанно дышал на руки и растирал их, другой, скрестив руки на груди, топал ногами.

Цинсин лежала на мягкой пуховой кровати и совершенно не хотела шевелиться. Огонь в камине уже погас, осталось лишь несколько наполовину чёрных, наполовину красных углей, ещё излучавших слабое тепло. В комнате было не слишком холодно. Судя по времени, принцесса Юньхун, должно быть, ещё не проснулась. Хунмэй на соседней кровати спала как убитая, разинув рот и издавая храп — «хр-р-р, хр-р-р». Липкая слюна пропитала подушку, намочив её больше чем наполовину.

Цинсин с отвращением отвернулась. За окном Золотые Балахоны уже сменялись. Наконец-то пришли двое других, чтобы дышать на руки, растирать их, скрещивать руки на груди и топтать ногами. Теперь на смену заступили двое: один — Люйинь из семьи Чанся, другой — Хунью из семьи Цинцю. Обоим только что исполнилось восемнадцать: один был рекомендован семьёй Шэнся в начале года, другой — семьёй Цюшэн месяц назад. Люйинь уже сдал испытание меча и получил свой первый меч с золотой рукоятью. Он очень этим гордился и всегда носил длинный меч на поясе, независимо от времени.

На самом деле это, должно быть, очень неудобно. Цинсин уже представила, как неловко ему ходить в уборную. Но сейчас он выглядел довольно элегантно: чистое лицо, прямой нос, весь сияющий. Если бы не золотой плащ, накинутый на плечи, он был бы похож на самодовольного господина виконта. Хунью был далеко не так хорош собой, как Люйинь. Хотя он был такого же роста, у него было круглое, пухлое лицо, маленькие глаза, а также светлые золотистые волосы и брови. На расстоянии, если взглянуть мельком, его голова напоминала пушистый большой персик.

— О, нет, опять подсматриваешь за будущим рыцарем! — неизвестно когда открыла глаза Хунмэй. У неё было длинное, плоское лицо, низкие скулы, скошенный подбородок, а надбровные дуги, наоборот, выступали. Поскольку она ещё не умылась и не привела себя в порядок, брови не были накрашены, румяна не наложены, и всё лицо было мертвенно-бледным, словно после умывания перед сном она смыла все черты лица. Однако она совершенно не осознавала, насколько жутко выглядит, и всё время подмигивала Цинсин. — Хочешь, сестричка скажет ему за тебя? День за днём тайком поглядывать — так не стать женой рыцаря!

Цинсин, усмехнувшись, потянулась, схватила фартук, лежавший на тумбочке у изголовья, скомкала его и швырнула в Хунмэй.

— Ладно. Иди.

Хунмэй надула губы, швырнула фартук обратно и начала шарить по кровати в поисках своей

нагрудной повязки. Цинсин всегда находила эту её привычку непостижимой: одежду, снятую перед сном, она никогда не складывала и не клала аккуратно на тумбочку или другое место, а всегда разбрасывала по кровати. Первым делом после пробуждения она, прищурившись, начинала всё ощупывать.

Но Хунмэй никогда не считала это проблемой — она не принцесса, чтобы быть во всём безупречной. Зевая, она продолжала искать одежду. Когда она надевала нагрудную повязку, то заметила, что Хунъю тайком поглядывает в их сторону. Она тут же специально втянула живот, чтобы талия казалась тоньше. Цинсин, словно прочитав мысли Хунмэй, прекрасно понимала каждое её движение. Она тут же цокнула языком и, не спеша одеваясь, поддразнила Хунмэй:

— Спину прямо. Руки прижми.

Хунмэй фыркнула, нарочно подтянула лямки нагрудной повязки, самодовольно ухмыльнувшись.

— Брось. И так достаточно. Не надо сжимать. И ты тоже — зачем на ночь не задёрнула шторы?

Цинсин хмыкнула и сердито уставилась на неё.

— Ты же легла позже меня! У тебя тоже есть руки! Почему ты не задёрнула шторы? — бормоча, она уже оделась, поспешно спрыгнула с кровати, накинула одеяло из смеси шерсти и шёлка, натянула толстые хлопковые туфли из саржи, распахнула дверь и побежала в коридор.

Хунмэй не была такой проворной, ей ещё нужно было прихорашиваться, и она даже не смогла догнать удаляющуюся спину Цинсин.

Цинсин быстро протопала вниз по лестнице и вскоре добралась до подсобной комнаты. Подсобная комната находилась в углу второго этажа. В отличие от других комнат, здесь не было ни камина, ни обогревателя, было особенно холодно. Обычно в это время здесь было тихо и пусто, никого не было. Но сегодня, когда Цинсин толкнула дверь, она испугалась. Две наставницы уже сидели по обеим сторонам длинного стола, а во главе стола сидела старшая наставница.

Услышав, как открывается дверь, все три наставницы обернулись. Старшая наставница взглянула на неё и слегка нахмурилась. Наставница справа встала и оглядела Цинсин с головы до ног.

— Ты служанка принцессы, а одета как официантка из таверны! Это слишком вульгарно! Где твой головной убор? Где твоя нижняя юбка? Посмотри на свои волосы! Боже мой, который час, а ты ещё даже не причесалась! — эта наставница была Мамкой Яотао из семьи Чучунь. Она овдовела ещё в юности и одна воспитывала дочь, которая была немного младше Цинсин. Говорили, что она очень красива и сейчас служит у графа Чуншаня.

Услышав упрёк, Цинсин поспешно прикрыла дверь, сделала реверанс перед тремя наставницами и почтительно извинилась.

— Простите, наставница. Из-за холода Его Величество велел учителю принцессы приходить на два часа позже. Принцесса и так любит понежиться в постели, а тут встала ещё позже. Поэтому мы тоже позволили себе поспать подольше.

Мамка Яотао подняла голову и снова оглядела Цинсин, явно недовольная её объяснениями.

— Его Величество велел учителю приходить на два часа позже, но не велел принцессе вставать на два часа позже. Даже если учитель ещё не пришёл, принцесса могла бы встать пораньше и заняться чем-нибудь полезным: повторить пройденное или подготовиться к новому. Молодые девушки не должны всё время валяться в постели. Обжорство и сонливость — не ровен час, вырастешь толстой. Это было бы ужасно.

Цинсин, слушая её, пригладила волосы рукой, достала из фартука капюшон и красную верёвку, и в два счёта крепко завязала их. Наставница напротив Мамки Яотао, Мамка Нунли из семьи Чуньму, внимательно посмотрела на неё, отложила в сторону стопку бумажек и перьевую ручку, слегка кивнула Цинсин и, улыбнувшись, заговорила.

— Я вижу, ты проворная. Обычно, должно быть, тоже расторопная. Хорошая девочка. Но есть одно но. Ты слишком скромная. Ты служанка принцессы, тебе часто приходится сопровождать её повсюду, ты всё же лицо королевского дома. Слишком просто. Ни украшений, ни наряда. Это не годится...

Эта наставница, Мамка Нунли, была кормилицей Императора. По старому обычаю, когда Император вступал на престол, её уже пожаловали землями и титулом. Но она не пожелала уезжать в свои владения. Говорили, что её муж был и пьяница, и игрок: проигравшись, он напивался, а напившись, любил драться. Однако он играл круглый год, за исключением дней поклонения четырём Верховным Богиням.

Она ещё не закончила говорить, как дверь в подсобную комнату распахнулась, и вбежала Хунмэй, смеясь. Вбежав, она бросилась к Цинсин и радостно закричала.

— Он помахал мне!

Но, произнеся это, она вдруг заметила, что в комнате есть и другие люди. Она тоже испугалась, покраснела и немного растерялась. Мамка Яотао оглядела её с ног до головы и подхватила слова Мамки Нунли.

— А вот она одета очень изящно. Нисколько не уронила честь королевского дома.

Старшая наставница, услышав насмешку Мамки Яотао, подняла голову и внимательно

оглядела Хунмэй. Лицо у неё было белое, щёки румяные, брови нарисованы тонко и изогнуто — она выглядела как красавица, сошедшая с картины. На ней были серьги с золотыми нитями и жемчугом, открывавшие гладкий лоб и белую шею. Вся она была и благородна, и очаровательна. Если бы не фартук на груди, кто бы подумал, что она служанка?

Старшая наставница была не простой наставницей. Она была монахиней-служительницей Храма Тяньюй, и до главного жреца ей оставался всего один шаг. Она происходила из простолюдинов, была из Клана Яньдун, подчинённого семьи Линьдун из Города Шуйцяо. С самого рождения родители отправили её в Храм Тяньцюнь. Имя ей дал сам Святейший Папа — Му Сюэ. Оно звучало особенно свято и торжественно.

Хунмэй, почувствовав на себе взгляд старшей наставницы, немного испугалась, инстинктивно сгорбилась, сжала фартук руками и медленно отступила за спину Цинсин. Мамка Яотао вздохнула.

— Этим наставницам здесь надо бы руки набить! С утра пораньше кричать на кухарок, а служанок распустили — спят до потери сознания! В такое время вода для умывания принцессы ещё не готова! Не говоря уже о её завтраке! Одна служанка растрёпанная и грязная, другая — ярко покрашенная, что за безобразие! С такой группой растяп что может выйти из принцессы?

Закончив свою тираду, она с недовольным видом села, взяла со стола мягкую тетрадь в обложке, раскрыла её наугад и, делая вид, что читает, небрежно приказала Цинсин и Хунмэй:

— Ладно. Идите готовить принцессу к пробуждению. Позовите Мамку Хайтан. Она всё утро кричала, голос, наверное, уже охрип, пусть придёт попить воды. У нас есть важные дела для обсуждения.

В руках она перелистывала реестр служащих покоев принцессы: от наставниц до кухарок, от приближённых стражников до приближённых служанок. Цинсин мельком взглянула и почувствовала некоторое беспокойство. Мамка Хайтан уже не раз угрожала ей, обвиняя в лени: «Кто не может выщипать лишние волоски на бровях, станет ли ухаживать за сорняками во дворе? Учись следить за собой, а то кто-нибудь другой займётся тобой». Цинсин считала Мамку Хайтан и скучной, и нудной, и просто отвратительной. Но она была наставницей, главной управляющей принцессы. Все слуги должны были перед ней лебезить. Тем более что принцесса была всего лишь маленькой девочкой, которой не исполнилось и десяти лет. Она во всём слушалась распоряжений наставницы.

Цинсин прислуживала принцессе Юньхун. Она и принц Синьцин были близнецами. Их рождение стало забавной темой для обсуждения во всём государстве. В тот год несколько месяцев подряд шли проливные дожди, и Небесное озеро на Горах Чаотянь в любой момент могло вызвать селевой поток. В день, когда сменяли друг друга Золотое Солнце и Серебряное Солнце, по обычаю, Император с Императрицей должны были отправиться в Храм Бога Солнца на Горах Чаотянь для жертвоприношения Богине Солнца. Поскольку Императрица была на сносях и вот-вот должна была родить, Император собирался провести церемонию в одиночку. Но Императрица, опасаясь проявить неуважение к Богине, настояла на поездке. В пути, когда они направлялись к жертвеннику, начался селевой поток, и Императора с Императрицей

смыло в бурную воду.

Все были в панике. Бушующие потоки, вздымающиеся грязекаменные массы — все думали, что им не спастись. Но неожиданно их вынесло на алтарь Храма Бога Солнца. Они вскарабкались на ладонь каменной статуи Богини Солнца. На ладони Богини Императрица родила близнецов. В тот момент, когда родились дети, ливень прекратился, небо прояснилось, селевой поток утих, и в лазурном небе повисла семицветная радуга. Свет Жёлтого Солнца и Красного Солнца померк, они повисли далеко на облаках, а Золотое Солнце и Серебряное Солнце засияли бок о бок в вышине.

Император, переживший катастрофу и встретивший рождение принца и принцессы, возблагодарил четырёх Верховных Богинь за чудо и удачу, назвал принца Синьцином, а принцессу — Юньхун. При посвящении Папа даровал принцу титул Удачливый, а принцессе — Чудо.

Однако, хотя у принцессы Юньхун и был титул Чудо, она не проявляла особых чудес по сравнению с другими. С шести лет она начала обучаться отдельно у Сыдо из Храма Тяньцзюнь. После четырёх лет учёбы стало очевидно, что она совершенно не заинтересована в том, чтобы стать благородной принцессой. Ни в письме, ни в рисовании, ни в астрономии, ни в географии — всё вызывало глубокое разочарование. Яркие цветы, изящная музыка не могли доставить ей удовольствия, а сложные церемонии и длинные титулы вызвали отвращение. На данный момент люди обнаружили, что, кажется, только разнообразные драгоценные камни могут её порадовать.

Она любила разные драгоценные камни, её балдахин был сделан из золотых нитей, на которые были нанизаны каменные занавески. Только под звон столкновения драгоценных камней она могла спокойно уснуть. Многие относились к этому с неодобрением, судачили и за глаза называли её Тщеславной принцессой. Но Цинсин так не считала. Она прислуживала принцессе уже четыре года. Она видела, что принцессе просто нравились прозрачные и красивые камешки. Ей было всё равно, дороги они или нет.

Услышав распоряжение наставницы, Цинсин подмигнула Хунмэй. Та сразу поняла и, громко топая, выбежала, спустилась по лестнице и побежала на задний двор. На душе у неё было беспокойно, к тому же она немного испугалась, поэтому бежала как заяц, даже не попрощавшись с тремя наставницами, когда выходила. Цинсин заметила, что Мамка Яотао надула губы, будто её сильно оскорбили, а Мамка Нунли лишь слегка покачала головой, на губах у неё всё ещё играла лёгкая улыбка.

Цинсин сделала реверанс трём наставницам, бесшумно выскользнула из комнаты и тихонько прикрыла дверь. Закрыв дверь, она не ушла сразу, а украдкой прижалась к двери, чтобы подслушать, о чём говорят наставницы. Мамка Яотао с силой швырнула список имён на длинный стол и очень раздражённо заговорила.

— Я считаю, эта Хайтан Ваньцю совсем никуда не годится. До чего она распустила этих людей! Посмотрите, когда мы вошли, ни один стражник нас не опросил! Ни один стражник не потребовал предъявить пропуск во дворец! В такое время кухарка ещё не согрела воду! Не

говоря уже о завтраке принцессы! Две служанки — одна растрёпанная и грязная, другая — ярко покрашенная, что за безобразие! Что может выйти из принцессы с такой группой растяп!

<http://bllate.org/book/21187/2145308>